

10 ИЮЛЯ 1971 г., № 160.

АКТЕРЫ И РОЛИ

ТРИ ДЕБЮТА

Признаться, как-то не верилось, что раскольницу Марфу в «Хованщине» Мусоргского может спеть и сыграть Раиса Котова. Ваня в «Сусанине»; Лель в «Снегурочке»; Мамка в «Безродном зяте»; Графиня в «Пиковой даме»; ряд других острохарактерных партий, и вдруг Марфа. Образ потрясающей трагической силы, глубокий и страстный! Однако, вопреки всяческим прогнозам, рождение нового направления в творческой биографии певицы состоялось.

Оперные образы Мусоргского всегда сложны для исполнителя своей психологической многогранностью, противоречивостью и почти полным отсутствием внешних эффектов. Чисто вокальные трудности (высокие звуки, напряженность крайних регистров и т. д.) становятся здесь вдвойне очевидными оттого, что они — лишь элемент трудностей психологических. Марфу, например, нельзя просто «спеть», в этот образ надо перевоплотиться.

Р. Котова обладает великолепным контральто. Она талантливая актриса, но новичок на оперной сцене. Но в этой работе ей очень помог опыт камерной певицы. Можно установить прямую связь между «Песнями и плясками смерти» Мусоргского, исполненными ею не так давно, и партией Марфы в «Хованщине».

Чем же примечательна Марфа Раисы Котовой? Прежде всего необычайным интонационным богатством. Для исполнительницы не было здесь главных и второстепенных эпизодов, каждая фраза осмысленна и выразительна. Иными словами, вся партия предстала перед слушателем как единое произведение. Прекрасно владея искусством пиано во всех регистрах, Котова сумела психологически отделить нежное, сокровенное звучание в песне «Исходила младешенька» от трагической обреченности в последней картине.

Было бы, конечно, неверно считать работу законченной, идеальной. Певице предстоит еще выровнять звучание всех регистров не только в пиано, но и в форте — без этого немислимо, например, исполнение знаменитой сцены гадания. Небезупречна и дикция, а музыка Мусоргского особенно чувстви-

тельна к этой стороне исполнения. Серьезные возражения может вызвать и известное преувеличение мистической стороны образа в ущерб его чисто человеческим чертам. Ведь трагический мистицизм Марфы — не что иное, как проявление огромной, неистраченной силы ее натуры, ищущей выхода и не находящей его в любви.

И тем не менее образ Марфы в «Хованщине» — большая победа Раисы Котовой: она с полным правом заявила о себе как художник большого творческого диапазона.

Было бы несправедливым обойти молчанием еще две удачные работы молодых певцов — коллег Котовой в «Хованщине».

В. Тарасов — Досифей.

Этот образ поистине необъятен и неисчерпаем. Досифей величествен в своей мудрости и преданности идее, долгу. Но в его душе и страсти далеко еще не утихли. Артисту достаточно двух-трех порывистых движений да несколько более взволнованной интонации — и вот Досифей раскрывается перед слушателем с новой, непривычной стороны. Гибкий и благородный голос певца чутко следует за мыслью композитора, хотя кое-где излишне робко, словно стесняясь своей роли. Может быть, поэтому иногда благородство интонации оборачивается ее пригласенностью.

Интересен и Иван Хованский в исполнении И. Волкова, обладателя крепкого, насыщенного баса. Отлично проводит он обе сцены в первом акте: властный и всеисильный, в зените славы и могущества, Хованский каждой фразой как бы «припечатывает» свою волю. Но в дальнейшем (особенно в сценах в трапезной) артист утрирует грубость и самодурство Хованского — и вот образ окарикатурен. Уходит из поля зрения трагическая сущность этого человека, он начинает казаться просто тупым. А ведь Хованский трагически остро переживает свою изоляцию, свою политическую смерть. И это дол-

жно быть в центре внимания исполнителя.

Впрочем, некоторые просчеты актеров нельзя поставить в вину только им, ибо исполнители были «втиснуты» в условия старой постановки, решение которой вызывает немало сомнений. Так, например, Марфа — Котова не может раскрыться до конца, поскольку из оперы изъят ряд важных для нее эпизодов. В финале вместо утверждения идеи оперы — становления русского характера («Сгорим, а не сдадимся») авторы спектакля делают, на наш взгляд, неудачную попытку политически и исторически осудить раскольников. Как же быть в этих условиях Досифею?..

Спектакль с Досифеем — В. Тарасовым, Хованским — И. Волковым, Марфой — Р. Котовой был, думается, не только удачным дебютом трех молодых артистов в опере «Хованщина», но и сигналом о необходимости пересмотра решения этого величайшего памятника русской классики на новосибирской сцене.

Я. ФАИН.
Музыковед.

* * *

На снимке: Марфа — Р. Котова.
Фото С. Федоренко.

